

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

МЫ ЖЕ РУССКИЕ!

– Если спорить, то с Василием Беловым, если молчать, то с Валентином Распутиным.

К такому выводу я пришёл после десятидневной совместной поездки с этими писателями в охваченную гражданской войной Югославию. Приглашение пришло от президента Республики Сербской Радована Караджича, а передал его нам советник посольства Сербии в Москве Живко Николич. Я сообщил Василию Ивановичу Белову о приглашении, и он тотчас же согласился. Помолчав немного, согласился и Распутин.

Наше путешествие в далёкую, раздираемую войной Югославию началась с неожиданного и приятного для меня происшествия. В аэропорту Шереметьево при прохождении таможенного контроля Белова и Распутина узнали. Молодая женщина в зелёных погонах призналась, что она давняя поклонница их творчества и даже слушала их выступления на съездах. Василий Иванович, покряхтев, достал свою прихваченную в дорогу книгу “Лад” и подписал ей. Его примеру последовал и Валентин Распутин. Женщина обрадовалась – такого подарка она не ожидала.

“Классиков знают и читают даже на таможне”, – подумал я. Каково же было моё изумление, когда эта же женщина, заглянув в мой паспорт, сказала, что читала в журнале мою повесть “Сербская девойка”. Вот это да! Пришлось и мне достать из сумки книгу и подарить симпатичной читательнице. “Узнала, потому что волею случая оказался рядом с классиками, – про себя улыбнулся я. – Но повесть-то назвала верно. Значит, действительно читала!”

На этом приятные для меня сюрпризы не закончились. В аэропорту Белграда нас встретил знаменитый сербский поэт Зоран Костич и прямо у трапа сообщил, что перевёл мою книгу на сербский язык и она будет издана в Республике Сербской. И ещё Костич сказал, что завтра нас в Пале ждёт Радован Караджич. Мы сели в машину и в сопровождении весёлого и неунывающего профессора Веселина Джуретича помчались на переправу к Дрине. Так началась наша поездка по фронтам югославской войны.

Командировку на эту войну мы выписали себе сами, хотелось посмотреть и почувствовать, чем живёт и как отстаивает своё право жить не по западной указке, а по собственной воле сербский народ. Для меня та поездка была не первой, до этого я уже несколько раз бывал в Косово, Метохии, в Печь Патриаршей, в Сараево и в разбитом в щербёнку и хлам Вуковаре. Бывал со своими друзьями: Анатолием Грешневиковым, Сергеем Бабуриным, Владимиром Исаковым. Василий Иванович и Валентин Григорьевич своей детской памятью ещё помнили ту, нашу, Отечественную войну. Помнили по похоронкам, которые приходили в Тимонику и Аталанку, по слезам, горю родных и знакомых людей, но не видели и не знали тех разрушений, которые

мы увидели здесь, в Республике Сербской. Нам на глаза то и дело попадались обугленные дома, разрушенные церкви и монастыри.

В Пале Караджич вручил нам памятные медали, мы выступили перед десятком сербских и иностранных журналистов. Интерес, как иногда говорят, был неподдельным, не каждый день сюда в Пале залетают самые известные русские писатели, которые, не стесняясь и не прячась за обтекаемые формулировки, говорили то, что думают, о двойных стандартах в освещении событий, происходящих на территории бывшей Югославии.

После встречи с журналистами нас привезли в расположение русского батальона в Сараево. Там командир батальона полковник Васильев поведал нам, что бойцов в батальон отбирали по-особому, смотрели не только на профессиональные навыки, но и на то, чтобы солдат не был замечен в употреблении наркотиков, был непьющим. И тут же пригласил нас к себе отобедать. Валентин глянул на стол, на котором стояли бутылки с водкой, и, улыбнувшись, заметил:

— Нас в эту поездку отбирали по тем же принципам, о которых вы только что сказали.

Но пообедать мы не успели — неожиданно начался обстрел. Нас посадили в машину и через несколько минут доставили в самое безопасное место Сараево — на еврейское кладбище. Там Веселин Джуретич показал нам свежие могилы добровольцев из России, которые были убиты здесь, в Сараево. Обстрел прекратился, мы сели в машину и поехали обратно в Пале. Но поднявшись в гору, вновь попали под обстрел. Нас по-быстрому высадили из машины.

Надо сказать, что у солдат и ополченцев Республики Сербской невысокий, похожий на лесовика Василий Иванович пользовался особым почтением. Прикрывая нежданых гостей своими телами, сербы провели нас в блиндаж. Оглядев нехитрый солдатский быт, Валентин Распутин взял бинокль и сквозь щель начал осматривать позиции боснийцев, а мы с Василием Ивановичем устроились за пулемётами.

— Ничего, отобьёмся! — сказал Василий Иванович, наблюдая через амбразуру за стоящими внизу домами, в которых, как нам сказали ополченцы, были позиции боснийцев. И действительно, в той стороне были заметны силовые вспышки выстрелов.

— Ведут беспокоящий огонь, — уверенно заявил Белов. — Сейчас мы им ответим.

И ответили...

— Никогда не думал, что я попаду на войну, — поглядывая на нас, вдруг сказал Распутин.

На другой день после ночёвки в Пале нам предложили поехать в Сербскую Краину. Путь был не близким, единственная дорога проходила через Пасавинский коридор. В ширину он достигал примерно двух километров, и ездить по нему можно было только ночью. Говорили, что отдельные смельчаки прорывались и днём. Где-то к обеду мы подъехали к городу Брчко на расстояние оружейного выстрела, эти выстрелы были хорошо слышны. Стали решать, что делать дальше: ждать ночи или попытать счастья и прорваться. Масла в огонь подлил шофёр Небойша, он заметил, что несколько дней назад через Брчко днём уже проезжал Ратко Младич. И тут, сверкнув глазами, наш старейшина воскликнул:

— А мы что, хуже? Мы же русские! — Чего в его словах было больше — мальчишества или недооценки ситуации, — трудно сказать. Хорватам и мусульманам было всё равно, кто едет в машине: всемирно известные русские писатели или бойцы Республики Сербской. К тому же пострелять от нечего делать по движущейся прямо под носом беззащитной мишени — одно удовольствие. И мы благодушно согласились с Василием Ивановичем. Мы же русские!

Через несколько минут езды увидели за Саввой позиции хорватов, мы мчались мимо и были у них как на ладони. Затем въехали в городскую улицу, увидели свесивший ствол пушки обугленный сербский танк, взорванный мост через Савву, заколоченные досками выбитые окна в домах...

А затем началось такое, что не могло нам присниться в самом страшном сне: начался обстрел, били прицельно, именно по нашей машине. В голове крутанулись строчки из стихов Семёна Гудзенко:

“Мне кажется, что я магнит. Что я притягиваю мины!” И тут же их вышибло приближающимся свистом летящей мины. Почти одновременно перед машиной

вздыбился асфальт, и на лобовое стекло полетели серые крошки. Небойша проявлял чудеса вождения, отворачивал от воронок, тормозил, затем с ходу машина, как пришпоренная лошадь, летела вперёд. Разрыв впереди, разрыв сзади. “Значит, берут в вилку!” – лихорадочно думал я. И вновь ощущение прострации и нереальности происходящего. Всё слилось: рёв мотора, визг тормозов, взрывы, и одна только мысль: зачем я втравил их в эту поездку! Одно точное попадание – и конец.

Только позже я осознал, как мы были близки к черте, после которой – бездна. . .

И ещё запомнилось полное молчание моих спутников. Они впервые попали на настоящую войну, а здесь были уже другие порядки и правила. Вернее, полное их отсутствие. Ты стал мишенью. И это мы понимали.

И – о чудо! Мы проскочили. Выстрелы отделились, и разрывы остались где-то за спиной. Я вспомнил, что ещё в девяносто первом здесь в Югославии пропали российские журналы: Виктор Ногин и Геннадий Куренной. Ещё с полчаса ехали молча. Затем Василий Иванович повернулся к Распутину:

– Валя, как ты думаешь, нас ещё долго будут читать?

Валентин помолчал, вдоль дороги были видны повозки беженцев из Верхней Словении.

– Не знаю. А вот стрелять ещё будут долго, – ответил Распутин.

Закончилась наша поездка встречей с сербскими писателями в Белграде. На ней Валентин Распутин пошутил, что в России, ориентированной на демократию, нас называют красно-коричневыми. Встреча прошла хорошо, нам надарили книг, да столько, что Василий Иванович не мог поднять пакет с печатной продукцией.

– Да, моих лет уже не хватит, чтобы одолеть всё это, – кивнув на книги, сказал он. И тут же добавил: – И сил – не то чтобы довести до Вологды, но даже поднять этот груз.

Утром он прочитал свежие газеты и с возмущением процитировал заметку о нашей встрече с сербскими писателями. В ней говорилось, что гостями были известные в России “красно-коричневые писцы”.

– Надо, чтобы газета извинилась и дала опровержение, – сказал он.

– Да ладно, Василий Иванович. Горбатых не исправишь! – отмахнулся Распутин.

– Нет, мы так не договаривались!

И Белов пошёл к организаторам встречи. На другой день опровержение и извинения были опубликованы.

Через год мы с Василием Ивановичем Беловым, художником Сергеем Михайловичем Харламовым и поэтом, фотохудожником и издателем Сергеем Николаевичем Дмитриевым приехали в Косово на ярмарку книг православных писателей. Там я познакомился с замечательным поэтом и переводчиком из Армении Бабкеном Симоняном, которого очень уважали в Сербии. Запомнились его поэтические строки:

*Когда умру, сожгите плоть мою,
Развейте прах мой средь армянских гор.
И лишь одну щепоть в другом краю –
Её пусть сербский приютит простор.*

Среди приглашённых были и наши украинские коллеги. Они старательно избегали встреч и разговоров с нами. А всего-то не прошло и трёх лет, как не стало нашего общего дома – Советского Союза. Было слышно, что через слово они упоминают братьев Карич, которые спонсировали проезд писателей на ярмарку. Нашим украинским “писцам” очень хотелось издать свои вирши на сербском языке, и они обговаривали возможные пути к карманам богатых братьев Карич.

– Эти ушли от нас ещё задолго до распада страны, – сказал Василий Иванович. – И будут делать всё, чтобы их читатели поскорее забыли “Сорочинскую ярмарку” и “Тараса Бульбу”. Эти будут поднимать на щит Бандеру и Шухевича. Гоголь для них москаль.

Каково же было наше удивление, когда поздним вечером к нам в гостиничный номер на огонёк заглянул народный художник из Киева Николай Иванович Стратилат, который был известен Харламову по многочисленным

графическим иллюстрациям книг украинских авторов. Конечно же, Николай Иванович читал Василия Ивановича Белова и давно мечтал познакомиться с ним. Стратилат пришёл не с пустыми руками, а принёс две бутылки горилки. Он тут же сказал Харламову, что высоко ценит его иллюстрации книг Гоголя, Есенина и другие работы. Говорили долго и расстались далеко за полночь. Мы поняли: он не хотел, чтобы о его визите знали его украинские коллеги. От его визита осталось хорошее доброе чувство: даже в необъятности пространства, которое порою существуют между людьми, звёзды всё же сходятся и согреваются своим теплом друг друга.

Стояла весна. Каждый день до обеда шёл дождь. Мы лежали на кроватях в гостиничном номере и вели обычные в таких случаях беседы. Только с одной поправкой, что моим собеседником был великий русский писатель Василий Иванович Белов.

“В неутраченной жажде познания главное свойство науки, её величие и бессилие. И если мир состоит действительно лишь из времени и пространства, то, думается, наука взаимодействует больше с пространством, а искусство — со временем...” Так начиналась его знаменитая книга “Лад”, которую он подписал мне во время той первой поездки: “Валерию Хайрюзову, в мужестве которого нет сомнений”. Валентин Распутин подписывал ещё короче: “Валерию Хайрюзову — от души автор”. Так он написал, передавая мне свою первую книгу “Деньги для Марии”. Слово поставил в личное дело свою печать.

С Распутиным мы были из одного города и состояли в одной писательской организации. Часто вместе ездили в лес по грибы и ягоды. Да и с Беловым встречались неоднократно: в Иркутске, в Москве, в Вологде...

А в девяносто третьем году, во время осады Белого дома, 3 октября, когда демонстранты прорвали кольцо окружения и, счастливые, вошли к нам в здание, то первыми на ступеньках лестницы мы встретились и обнялись с Николаем Петровичем Бурляевым и Василием Ивановичем Беловым. Они пришли к нам, прорывая милицейские и ОМОНовские кордоны. После я узнал, что уже вечером Василий Иванович помчался с демонстрантами в Останкино, и там лежал на земле, укрываясь от пуль правительственного спецназа, который у телецентра расстреливал безоружных манифестантов. Позже понял, что угодил, как кур в ошип, в расставленную силовиками ловушку. Мы вновь встретились с ним через неделю на трамвайной остановке возле ВДНХ. Я ему рассказал, что нас, занесённых в чёрный список российских депутатов, которые остались в Белом доме, мэр Москвы Юрий Лужков выгоняет из московских служебных квартир.

— Приходили ночью с автоматами и в масках. Сунули предупреждение. А утром отключили нам свет и телефон, — усмехнувшись, сказал я. — Говорят, отключили свет и Распутину. А некоторых наших депутатов, кто остался в Белом доме, вызывают для дачи показаний в прокуратуру. Теперь мы — государственные преступники. Вот такая нынче у нас пошла демократия!

— Да я уж начался “Московского комсомольца”, — сказал Белов. — После письма сорока двух так называемых наших коллег-писателей начался сплошной вой с требованием к Ельцину открыть охоту на красно-коричневых ведьм. — Глухо откашлявшись, Василий Иванович полез в карман и неожиданно предложил мне деньги на дорогу до Иркутска. — Мне только что выписали гонорар на телевидении в Останкино, — как бы извиняясь, сказал он. — Несколько дней назад чуть там не убили, а сегодня решили откупиться.

— Возьми, сейчас они тебе пригодятся, — глуховатым голосом сказал он. Проглотив подступивший к горлу комок, я отказался, по старой памяти я рассчитывал улететь в Иркутск в кабине самолёта. Всё-таки меня как лётчика там ещё помнили.

О писательских гонорарах мы с ним вновь заговорили во время ярмарки книг православных писателей. После развала страны, когда литераторов пустили по миру, пошли разговоры, что одним — по-прежнему густо, а остальным — пусто. И что премии и гонорары дают писательским зубрам за прежние заслуги.

— Василий Иванович! Я уже не один раз слышал от того же критика Владимира Бондаренко, да и от нашего иркутянина Анатолия Байбородина, что писателям старшего поколения — Распутину, Астафьеву — пора бы посторониться и дать дорогу другим, — сказал я, вспомнив про разговоры коллег о гонорарах и премиях. — Мол, всё внимание, все премии вам. А молодым ничего

не остаётся. Да и нынче премии не те, что раньше, – кот заплакал. И власть вас не обижала. . .

– Ты знаешь, нас никто в вагон не подсаживал, – помолчав немного, ответил Белов. – Дорога, она не бывает прямой, её чаще приходится одолевать самому. А вы что думаете, поезд привезёт вас к станции, где вам накрыты столы и приготовлены банковские счета? Чаще всего там ждут родственники и знакомые, у которых вечно не хватает денег, и они будут стучаться к вам, как в райсобес. И не просить, а требовать, чтобы оплатили их счета. Всем кажется, что их обошли, дети, да и они сами в нужде и болезнях, и они глядят на тебя не с любовью – за что любить бумагомарателей! – и не с уважением, для этого надо хотя бы уважать самих себя. Нам каждому Господь даёт по делам нашим. Бывает, что там, на станции, куда вы так спешите, ждёт суд глупца и смех толпы холодной.

– Кому много дано, с того и спрос особый, – подумав немного, согласился я.

– Поверь, я всё это испытал на себе, – сказал Василий Иванович.

– А насчёт размера премий, то в чужих руках всё толще. – И, глядя на запотевшее от дождя гостиничное окно, замолчал.

Но уже через минуту, отложив книгу в сторону, он начал рассказывать о своём детстве, о своей первой любви к девочке из седьмого класса, образ которой он пронёс через всю свою жизнь. Я его расспрашивал о Николае Рубцове, Василии Шукшине. Вспомнил, как гостивший у меня в деревне Добролёт Виктор Петрович Астафьев, вспоминая Рубцова, показывал, как тот пел свои песни. И попытался уже сам воспроизвести ту песню Рубцова.

*Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...*

*Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.*

Ещё я сказал, что пел Астафьев хорошо, точно передавая не только мелодию, но и самого Рубцова, как он прислонял голову к мехам гармошки и растягивал её чуть ли не до пола. Чего-чего, а уж артистизма Виктору Петровичу было не занимать. Выслушав меня, Белов усмехался и вспоминал, что, когда Рубцов пришёл к Астафьевым занимать деньги, Мария Семёновна начала читать ему нотацию о вреде пьянства и что ему давно пора взяться за ум.

– По себе знаю – не надо обижать и читать мораль детдомовцам, – сказал Белов. – Коля Рубцов сжал губы и ушёл, не взяв протянутую ему трешку. – Сделав небольшую паузу, Белов, как бы извиняясь и за Колю Рубцова, и за Астафьевых, и за всю нашу писательскую братию, добавил:

– Молоды мы были, глупы и почудили немало. Однажды звонят мне, я тогда на литературных курсах в Москве учился: пропал Вася Шукшин. Остановились съёмки фильма “Живёт такой парень”. Где и что с ним, никто не знал. Мы бросились искать и нашли у девиц – парень загулял. Мы ему: “Вася, надо идти сдаваться”. Он нам: “Как я пойду – уволят!” Тогда мы решили выхлопотать ему больничный. Нашли врачу, заплатили за бюллетень двадцать пять рублей, неслыханные по нашим карманам деньги, принесли. Он засиял, полез к нам обниматься. Одели мы его, вывели на улицу. Идём. Навстречу милицейский патруль, видят – ведут подвыпившего хлопца, попросили предъявить документы. Вася протянул паспорт, а в нём – больничный.

– Ах, ты ещё и пьёшь на больничном! – взревел старший.

Вася успел выхватить паспорт. Патрульный зарол, что упрячет его на пятнадцать суток. Вася в ответ ему сунул под нос две фигушки – и в бега. Мы снова по карманам, искать деньги на новый бюллетень. Наскресли, принесли ему опять в общагу. Смотрим, а он с этими девицами выплясывает, прыгает на своих жилистых ногах чуть ли не до потолка! Но утром был, как стёклышко, пошёл, повинился, и “Живёт такой парень” пошёл по кинотеатрам страны.

Наверное, уместно будет вспомнить, что сразу же после открытия ярмарки книг православных писателей хозяева о нас как-то забыли, мол, чем хотите, тем и занимайтесь. Вот мы и занимались, и я считаю те дни самыми счастливыми в своей жизни.

Распутин и Белов не были ораторами, каждый говорил, как бы понуждая себя. Василию Ивановичу мешали зубные протезы, но если он срывался с колодок, то высказывал всё, что думал, не пряча своих мыслей и не щадя собеседника. Бывало, затронешь ненароком, а у него уже засверкали глаза. Что объединяло Распутина и Белова, так это голос. Перед тем как начать разговор, Распутин как бы начинал неслышно перекачивать во рту камешки, у Василия Ивановича такие камешки катались при разговоре со своеобразной картавинкой, высокими и одновременно глуховатыми нотками. При беседах Распутин вёл себя сдержаннее, добавлял коротко, но всегда точно и вовремя, туда, куда надо. А вот Виктор Петрович Астафьев слыл шутником и балагуром, поначалу мне казалось, что он всё выдумывает на ходу, но понаблюдав, начал понимать: Виктор Петрович пользуется уже не один раз опробованными домашними заготовками. Но делает это с присущим ему блеском...

Белов же был во всём стихийным и непредсказуемым. Однажды мы втроем: Василий Иванович, художник Сергей Харламов и я – решили прогуляться после дождя в горы. И пошли вдоль Быстрицы мимо православного патриаршего женского монастыря. Обогнув монастырь, мы свернули и по тропе пошли в гору. По пути стали собирать белый цвет боярышника. Василий Иванович сказал, что его можно заваривать при сердечных болезнях. По пути нам попался пастух. Узнав, что мы из России, он приветливо произнёс:

– Добор дан! Ди ли говорите по-сербски? – сразу же признав в нас русских, спросил он.

– Добрый, добрый дан, – тут же отозвался Сергей Харламов, который при встречах с местными был у нас вместо переводчика.

– Разумеем, конечно разумеем. Ведь мы же одного рода-племени.

– Разумеем слабо, – поправил его Белов.

– Молим, кажите, что бы вами управляти эти люди? – глядя на Белова, спросил пастух. – Который понашенье у немочек?

– Что за люди? – прислонив к уху ладошку, переспросил у Харламова Белов.

– Который дирижировал оркестром у немочек, – перевёл пастуха Харламов. – Он хотел сказать – у немцев.

– Не понял? – вновь переспросил Белов. – При чём тут немцы?

– “Человек” по-сербски – “люди”. И он спрашивает о том, который дирижировал у немцев оркестром.

– Знамо-знамо, – махнул рукой Василий Иванович. – Ельцин!

– Срама, будала, педер! – начал ругаться пастух. И сплюнув, добавил: – Курва!

– А-а-а! Здесь всё понятно без переводчика, – засмеялся Василий Иванович. – Ну, он не мой! Да и не наш. Он нам всем в наказание. За грехи, за доверчивость.

Прощаясь, Белов протянул пастуху руку:

– Хвала лепо! – Довидженья.

– Довидженья, – отозвался пастух.

– Василий Иванович, чего я стараюсь! – воскликнул Харламов. – Ты и сам всё понимаешь.

– Даже когда они ругаются, в голосе сплошное доброжелательство, – заметил Белов. – Я когда-то переводил сербского поэта Джуру Якшича. Кое-что осталось в памяти.

И тут же с чувством, пристукивая зубами, глуховатым голосом прочитал:

*Где ангелов хор неустанно поёт
В лазури небесного края,
Серебряный месяц замедлил полёт,
Дневную звезду упрекая:
“В какой же нужде иль потребе
Два дня тебя не было в небе?”
Денница-звезда говорила в ответ:
“Тому и сама я не рада,*

*Что встретила дважды я Божий рассвет
В пылающем небе Белграда!
Едва от стыда не сгорела дотла,
Такие в Белграде творились дела... “
В самой середине недружеских стран,
Справляя отцовскую тризну,
Родимые братья Димитр и Богдан
На две поделили Отчизну.
И рощи, и пни по зелёным полям,
И храмы, и крепости — всё пополам!*

Переваривая неожиданную встречу и разговор с пастухом, мы поднялись в горы и, развернувшись, подошли к обрыву. Глянув вниз, увидели, что прямо под нашими ногами расположены купола известного на весь мир храмового комплекса, а чуть поодаль, в скалистую расщелину Руговского ущелья бежала Быстрица. В первый же день своего пребывания в Косово мы посетили монастырь и поставили свечи за всех ушедших и ныне здравствующих.

Печь Патриаршая — или патриаршее место — одна из тех святынь, которая была местом пребывания сербских патриархов. На этом месте ещё при жизни святого Саввы Сербского находилось церковное владение монастыря Жича, бывшего центром архиепископии. В 1253 году центр Сербской Церкви был перенесён в Печь. Монастырь стал резиденцией сербских патриархов и архиепископов. Вплоть до XVIII века монастырь был духовным центром, насчитывающим сотни образованных монахов. Богословы, видные писатели и талантливые художники оставили здесь свидетельства своего творчества.

Конечно же, шедевром архитектуры был монастырский храмовый комплекс, состоящий из четырёх объединённых церквей, построенных в XIII–XIV веках. В них находятся величайшие православные святыни: главы святых мучеников Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария.

Я прикинул: возвращаться той дорогой, по которой пришли, — часа два, а то и более. А что если попробовать спуститься прямо по крутому склону?

— Давайте я спущусь, а вы возвращайтесь по тропе, — сказал я Белову. И, улыбнувшись, пошутил: — Святые Евстратий, Авксентий и Мардарий мне помогут.

— Нет, ты посмотри на него! — засмеялся Василий Иванович. — Ему поможет Мардарий! А нам — Евстратий? Будем спускаться все вместе к этой самой Мардарии.

И мы, хватаясь за камни, пугая крупных, греющихся на солнце каменных черепах, цепляясь за коренья и кусты, начали спуск. Минут через десять я вспомнил наш прорыв через Брчко и вновь пожалел, что опять сунулся в воду, не зная броду. Полез наобум и своим необдуманным решением соблазнил своих попутчиков. Но отступать было поздно. Мы же русские! Через полчаса, практически съехав по грязи и траве, мы ступили на твёрдую заасфальтированную дорогу. Я глянул на Василия Ивановича: брюки — в грязи, ботинки — с оторванной подошвой. Собираясь в заграничную поездку, Василий Иванович соблазнился их дешёвизной и купил, не зная того, в похоронном бюро. Они не выдержали перегрузок и разваливались буквально на глазах. Но он шёл, как триумфатор, победно поглядывая по сторонам. Так ходят мальчишки, когда им удаётся сделать что-то большое и значительное. Из глухих ворот, все в чёрном, зыряка на нас, глазели албанки.

— Вот и гарпии тут как тут, — засмеялся Василий Иванович.

Вернувшись в гостиницу, мы решили сбросить ему на ботинки. Деньги он взял, но в магазин пошёл один, сказал, сверкнув глазами, что сделает это без посторонней помощи. Я вспомнил, как он в одиночку у себя на Вологодчине однажды поехал на рыбалку, лодка перевернулась, и он чуть не утонул в озере. А после, тоже в одиночку, пытался установить упавший крест на церкви в своей деревне Тимонихе. И сорвался из-под купола. Но природная хватка выручила его, каким-то чудом он уцепился за перекладину и с ободранными в кровь руками кое-как спустился на землю. Слушая его воспоминания, я ловил себя на мысли: везде и всюду он пытался решать свои и чужие проблемы в одиночку.

С ярмарки православных писателей мы возвращались на рейсовом автобусе. Купили на вокзале билеты, прошли по берегам Быстрицы, по пути

отметив, что возле мечетей свалены кучи мусора. С заснеженных албанских гор наносило холодком, тогда мы ещё не предполагали, что вскоре и сюда, в эти места придёт война. И тысячи сербов будут вынуждены покинуть насиженные веками места, оставив Косово, Метохию, свою православную святыню Печь Патриаршью и многое-многое другое. Прав был Распутин, когда сказал, что стрелять ещё будут долго. В Белград мы приехали поздней ночью. Нас там никто не встретил. До вылета в Москву ещё было несколько часов. Решили скоротать время на скамейках в белградском парке. После развала страны что-то пошло не так, и православные “писцы” даже здесь, в дружеской Сербии, стали расходным материалом: попользовались, провели мероприятие – и в корзину. В нашем случае – на лавку...

“А ещё недавно, пару-тройку лет назад, мы с Василием Ивановичем были депутатами Верховных Советов, я – российского, он – союзного, – ворочаясь на жёсткой лавке, думал я. – И нас в Белграде принимал президент Слободан Милошевич”.

Прилетев в Москву, я вновь достал книгу Белова “Лад” и уже не наискось, а спокойно, не торопясь начал читать её. И вновь, как и во время гостиничных разговоров, погрузился в пространство и время, в ту систему координат, в которой пребывал автор, работая над этой книгой.

“Нет, не бывает абсолютно одинаковых, другими словами, совсем бездарных людей! Каждый рождается в мир с печатью какого-либо таланта. Потребность творчества так же естественна, как потребность пить или есть, – она теплится в каждом из нас даже в самых невероятно тяжёлых условиях. Каждая личность по-своему талантлива, иными словами, своеобразна. Людей, абсолютно плохих внутренне и внешне, к счастью, не существует. Не научившись трудиться, нельзя узнать, чем наградила тебя природа. Творческому раскрепощению личности может помешать любой душевный, семейный, общественный или мировой разлад, любая неурядица... Найти своё лицо – нравственная обязанность каждого. Настоящий художник ждёт от других не подобострастия, а обычного уважения. Чем выше талант, тем меньше высокомерия и гордости у его обладателя. Злой человек склонен более к разрушению, чем к творчеству, и нельзя путать вдохновение созидателя с героистратовским... “Уничуждение паче гордости”.

В этих размышлениях был весь Василий Иванович Белов. Пришёл к ним он не сразу, а через тернии, сомнения, преодолевая себя и в себе всё, что жило в нём и что его окружало... После тех ярмарочных весенних дней, бесед, прогулок по горным тропам албанских предгорий в Косово, через несколько лет мы неожиданно встретились с Василием Ивановичем в коридорах Государственной Думы. Одет он был по-походному, в потёртый, заношенный пиджак, через плечо висела такая же потёртая сумка, а из неё выглядывал лаваш. Ни дать ни взять – “ходок” к Ленину. “Уничуждение паче гордости”. Я вспомнил эту его поговорку, и у меня мелькнула горькая мысль – всё проходит: успех, слава, большие премии и приличные писательские гонорары. Остаются написанные книги. А уж как долго их будут читать, нам не дано предугадать...

Обнявшись, мы с ним разошлись по своим делам. Но уже через полчаса я увидел, что Василия Ивановича показывают по телевидению. Он всё в том же пиджаке стоял на трибуне Государственной Думы – прежний, собранный, неуступчивый, с нависшими бровями – и хрипловатым голосом с остановками, но с прежней болью в голосе говорил сидящим в зале депутатам, что не надо жалеть мозги, которые, по их мнению, утекают за границу. С них всё равно толку не будет. Нарастёт и придёт новое, молодое поколение, и Россия встанет с колен...

Тут я вспомнил его знаменитую фразу: “Мы же русские!” Да, у нас бывали разные периоды в жизни. Но нас не сломали и не сломят.